

школа искусства

**ТАЙНЫ
РУССКОЙ
РЕЧИ
АННА
ПЕТРОВА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 808.5
ББК 83.7
ПЗ0

Все права защищены.

*Любое использование материалов этой книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Петрова, Анна Николаевна.

ПЗ0 Тайны русской речи / А. Петрова. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 416 с. + [64 вкл.] ил. — (Школа искусства).

ISBN 978-5-17-168363-4

Именно театр как искусство, как публичное зрелище, открытое для людей — носитель эталона речи. По существу, режиссеры, актеры — эксперты речи в ее историческом развитии. Какие тайны живого слова хранит русский театр? Какие тенденции в развитии языка и речи отражены в сегодняшней театральной практике? Какие новые знания о слове, законах общения, технике речи, здоровье голоса необходимы в повседневной жизни? В своей новой книге известный педагог, профессор кафедры сценической речи Школы-студии МХАТ — Анна Петрова и такие признанные мастера театра как — М. Кнебель, Г. Товстоногов, Е. Евстигнеев, А. Эфрос, А. Мягков, Н. Михалков, К. Райкин, Е. Миронов, К. Хабенский, С. Крючкова и многие другие отвечают на вопросы о современной речи и раскрывают ее тайны.

УДК 808.5
ББК 83.7

ISBN 978-5-17-168363-4

© Оформление. ООО
«Издательство АСТ», 2025
© Петрова, А.Н., текст,
иллюстрации, 2025

Всякий талант неизъясним.

*А. Пушкин.
Египетские ночи*

Часть I

СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЬ

РАЗДЕЛ I

РАЗГОВОРНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Наверное, нет ничего разнообразнее, интереснее и выразительнее разговорной речи. Живое слово свидетельствует о жизни, желаниях, надеждах и боли нашего мира.

Может быть, поэтому так важно говорить о речи, знать ее бытие, традиции, законы, правила и, конечно, любить, чувствовать и понимать, как и почему меняется «слово» в повседневной жизни.

Язык и речь дают нам знание о мире и о времени, в котором мы живем, отражают сегодняшние изменения наших представлений о правах и свободах личности.

Человек имеет право быть собой, сохранять во всем персональную идентичность, выражать свое мнение, говорить по-своему и своими словами.

Мы говорим «речь», но за этим коротким словом скрывается бесконечность намерений, обстоятельств, целей и задач.

Разговорная устная речь:

— речь в нашей повседневности, в бесконечно разных ее обстоятельствах;

— речь как диалог двоих — дружественных, враждующих, знакомых;

— речь публичная;

— речь как деловая встреча двоих или многих;

— речь как разговор случайный или подготовленный, обдуманый;

— речь как разговор интимный.

Речь, как живое, дышащее, меняющееся явление — свидетельство, а может быть, и барометр реальности. В речи мы слышим сло-

ва, но открываем существенные подспудные изменения жизни человеческого сообщества.

Мы живем в совершенно новом звучании жизни и речи. Новые слова. Речевые обороты. Произношение. Темп. Стилистика. И, как знак нового времени, — совершенно иное отношение к тому, что мы привыкли называть и культурой, и стилистикой речевого поведения.

Сегодня мы вновь видим революционные изменения в речи, изменения в отношении к языку в обществе, глубинные разрывы с классической традицией — процесс естественный и в определенном смысле вечный. Время обретает отражение в языке и в речи.

Отметим некоторые свойства сегодняшней обыденной разговорности.

Растворяются стилистические и фонетические особенности разных слоев общества, сознательно используется примитивная, сниженная речь. Говорят «впроброс», почти демонстративно занимаясь чем-то другим, постоянно поглядывая на экран телефона, перебрасываясь репликами, отвечая порой лишь кивком, жестом, взглядом. Не только снижен интерес к партнеру, но и простая вежливость как будто необязательна. «Я» выходит на первый план. Популярны информативные фразы.

Может быть, это отражение современных способов общения? И современного одиночества? Может быть, в этом непрерывно звучащем мире нам достаточно разговоров в гаджетах?

Возможно, на стиль общения влияют современные скорости, безумный информационный поток, замена устоявшихся культурных образцов сугубо индивидуальными предпочтениями.

В СССР классическое искусство звучащего публичного слова, конечно, теряло свою когда-то универсальную ценность и сменялось разрешенными заранее проверенными цензурой написанными текстами, однако при этом телевидение запустило в жизнь огромный поток разговаривающих на самые разные темы людей — знающих, широко образованных, владеющих живой разговорностью, высокой речевой культурой: ученых, врачей, историков науки, искусства. Вспомним хотя бы «Очевидное — невероятное» с Капицей... Да и сейчас программы Т. Черниговской, Н. Цискаридзе, Ю. Миньшовой, живая речь некоторых журналистов и ведущих на Первом канале, РБК.. Это не только содержа-

тельность, полнота смысла, мастерское владение русской речью, это и обширные знания, и умение мыслить, и, главное, потребность передать аудитории то новое, что открывается в понимании жизни.

И в то же время-читка, огромное количество неверных ударений: банты́, свекла́, торты́, красивее́, принять́, нача́ть; звучат неудачные реплики: затопленная лужа, все взгляды прикованы в небо, играет значение, момент времени. И про склонение числительных мы будто совсем забыли: семистами, пятисот, тремстам, пятьюстами.

Конечно, не только требования, но и внимание, интерес к чистоте речи, соблюдению правил произношения давно стал очень скромным. Крохотная подробность: 1930-е годы, А. Мариенгоф о В. Мейерхольде: «ужас... вместо "и" говорят "ы"! Далекый, дикый, великий! А кто виноват? Малый театр! Перепортил он интеллигентную русскую речь! Не русскую, а Санкт-петербургскую!»

Времена, менявшиеся непредсказуемо и масштабно, создавали и обновленное поле публичной речи, которая тесно сплетается с бытовой и, конечно, отражается в глубинных сдвигах культурной традиции. Сознательно или просто ситуативно в общедоступную эфирную речь ворвался и уличный жаргон, и убогое просторечие, и быденная малограмотность.

Так, на рубеже перестройки (кстати, интересно, как быстро подхватываются народом определения переживаемого времени) постепенно стали меняться и двоиться смыслы и понятия. Сначала это было незаметно, а потом совершенно очевидно. Так произошло со словами «коммунист», «демократ», «либерал», с понятиями «левый» и «правый», «оппозиция», «феминизм», «терроризм»... Эти слова, превращенные в нашем сознании в свою противоположность, наверное, знак времени — привычные значения слов теряют смысл, выхолащиваются, наполняются иным, современным содержанием.

Прекрасные понятия «новая искренность» и «новая этика» подчас выхолащиваются и превращаются в циничную, наглую вседозволенность.

Так, например, происходит со словом, родившимся в 1960-е годы и радостно звучавшим повсюду,— «космонавты». И вот теперь оно получает иной смысл...

Обнаженность высказывания, так полно звучащая в матерной речи, приобретает особую ценность. В быту мат существовал всегда, с этим не поспоришь. Но такое широкое распространение в речи общественной, публичной ему и не снилось. Мы слышим его и в речи блогеров, и в выступлениях на собраниях, и в диалогах значимых персон в интернете и на YouTube. В письменном тексте — не только в блогах, но и в художественной литературе, и даже со сцены он звучит все чаще и чаще.

Матерная речь всегда была табуирована, теперь же она десакрализуется, что особенно слышно в речи молодежи.

Засилие матерных определений событий постепенно лишает их оскорбительной окраски. Это более не ругательство, а констатация факта.

Мы же знаем, что в русском языке два матерных слова могут выразить и вершину эмоционального восторга, и глубину падения. Все решают, по сути дела, обстоятельства их использования и контекст. Вот как об этом говорит Ю. Лотман: «Замысловатый, отборный мат — одно из важнейших средств, помогающих адаптироваться в сверхсложных условиях. Он имеет бесспорные признаки художественного творчества и вносит в быт игровой элемент, который психологически чрезвычайно облегчает переживание сверхтяжелых обстоятельств».

А что думают люди театра? Их мнение — результат внимательного взглядывания в реалии жизни.

Сегодняшняя драматургия, внедряя матерную речь, широко использует право новой искренности, но театр реагирует на слово написанное и слово сказанное по-разному. И О. Ефремов, и О. Табаков считали, что на сцене слова, как и характеры, многозначны, и мат не может занять значимое место в спектакле.

По мнению Е. Миронова, «когда на сцене появился мат, он нашел свою маленькую нишу. Но он не займет пространства большого никогда. Это интересно, пока это новое, пока все голодные. Это как слово "сука" у Фигаро о Сюзанне. На этом можно продержаться 1–2 спектакля. А дальше вдруг я для себя понял, что срез матерных людей есть, но показывать их напрямую — это не театр. Надо работать крупнее и социальнее».

Все эти процессы происходят у нас на глазах, мы и участники, и жертвы этих перемен. Самые большие жертвы этих перемен, ко-

нечно, дети, потому что они с этим сталкиваются и в школе, а слово — это заряд невероятной силы. Сказанное слово — клеймо, оно прицепляется, и его уже не оторвать. Может быть, поэтому слова так опасны, высказанное «не вырубил топором»; каждый, услышав сказанное, может понять нечто о самом говорящем; люди, начинающие входить в профессиональную среду, постепенно погружаются в ее поведенческую и речевую стилистику.

Картина «речевого мира» бесконечно разнообразна, и это стало очевидным прежде всего с появлением и развитием интернета. А уж появление социальных сетей полностью перевернуло наше представление о публичном слове и сделало публичное высказывание возможным для всех без исключения — было бы желание. И этой возможностью пользуется огромное количество людей. В этой ситуации есть свои особенности, свои преимущества и угрозы.

Интернет изменил отношения между стихией языка и стихией речи. Знакомые и незнакомые, чужие и свои спорят, обсуждают, доказывают. Но чаще всего просто высказываются «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

Язык один, поле существования общее и практически не имеет границ, а воспитание, культура, речь индивидуальны.

Параллельный мир в виде «другой речи» живет в этом общем пространстве и у обычных пользователей, и у деятелей новой журналистики — у блогеров.

Язык блогеров — самое популярное явление сегодняшней речевой культуры, развивающееся как новое искусство. Огромное количество блогеров, как талантливых, так и совершенно бездарных, разговаривают и пишут в «прямом эфире».

В торопливых «разговорах» в интернете, в социальных сетях люди выражаются кратко, спонтанно, даже бесцеремонно. Диалог идет «начерно», как мгновенная эмоциональная реакция: полуфразы, сознательно сниженная лексика вплоть до мата.

Блогерская речь, безусловно, активнейшим образом влияет и на повседневную речь, на ее восприятие, оценку.

Право каждого человека на публичное высказывание категорически меняет отношение к тексту. Профессия литератора, писателя, журналиста уникальна, литературное произведение, как и любое художественное произведение, требует духовных усилий, работы над собой. А сейчас в интернете любой человек становится автором.

Свобода личности, свобода языка, отсутствие ограничений, безграничная толерантность вызвала к жизни высказывания в условиях «новой правды» — со своими частными намерениями, с явным желанием навязать всем свой взгляд как единственно верный. Блогер подчас категоричен, слов не выбирает и часто глубоко безразличен к чувствам другого человека. Не нравится — не смотрите.

Итак, в интернете появилась и живет своя речь, свершается переход от речи публичной, как текста продуманного, многозначного и метафоричного, к бытовому, разговорному, спонтанному слову. Не приходится удивляться, что и литература начинает говорить языком интернета.

В активную разговорную стихию интернета вовлечены сейчас миллионы людей, и мир этот постепенно создает свои законы, свои зоны успеха, своих героев.

Очевидно и то, какими темпами активизируется наша жизнь в эфире в условиях онлайн — сегодняшней «удаленки»! И чем сложнее события, и прежде всего политические, тем больше мы, жители интернета, жаждем обрести собеседников и их пытаемся находить.

На фоне резкого падения «культуры речи» нарастает и большое общественное беспокойство по этому поводу, и хорошая речь становится в последние годы категорией статусной. Недаром многие публичные люди — политики, бизнесмены, журналисты, преподаватели, учащиеся — берут уроки речи. И театр, театральная школа с ее огромным опытом и уникальными знаниями о живом слове объективно полезны, а по сути — необходима...

1. РЕЧЬ НА СЦЕНЕ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ВРЕМЕНИ

Современный театр бурно откликнулся на новое время, этот отклик оказался еще более сложным, стремительным и противоречивым, а «сценическое слово», как это и должно быть, стало вернейшим отражением, а точнее, зеркалом или увеличительным стеклом.

Драматический театр в силу своей природы живет в бесконечном и бездонном море живой речи, глубоко и честно ее познавая. Вглядываясь, понимая, свидетельствуя.

Искусство, зная прошлое и настоящее, приоткрывая, а порой «прозревая» будущее, помогает увидеть самые глубинные и, может быть, таинственные явления жизни.

Дарование, опыт, знания мастеров театра нередко быстрее и глубже открывают, обнажают тончайшие законы «жизни человеческого духа», как прекрасно сказал К. Станиславский.

На каждом поворотном этапе жизни театра возникает проблема слова, его функционирования, его смысла, содержания и даже необходимости.

В театре, как и в жизни, речь неотделима от человека и, конечно, отражает процессы, происходящие в разговорной речи.

Речь на сцене — лакмусовая бумажка происходящего в реальной жизни, одно из самых точных ее свидетельств, всегда рождает столкновения и споры.

Спорным становится все: речь и подлинность жизни слова, речь как данность актера и речь как характерность образа, как стилистика спектакля, как режиссерское решение.

Слова живы, пока погружены в подлинность и смысл сегодняшнего меняющегося контекста. По словам М. Захарова: «Просто слова, даже самые высокие и важные, перестали иметь самодостаточную ценность».

Как только театральное слово начинает звучать фальшиво или недостаточно убедительно, это свидетельство: что-то кардинально новое происходит в жизни. Это важно понимать.

Да и отношение к слову меняется на каждом новом этапе развития театральной культуры. Проходит 15, 20, 25 лет, и новое поколение заявляет о своем понимании «современной речи» и своем несогласии со звучанием, да и местом сценического слова.

Если сегодня мы вновь видим революционные изменения в речи, изменения в отношении к языку в обществе, глубинные разрывы с классической традицией, то что же говорить о театре, где все эти катаклизмы очевидны, слышны, и многое рассказывают о жизни.

Именно театр как искусство, как публичное зрелище, открытое для людей, по справедливому мнению самых признанных мастеров современного театра, — носитель эталона речи.

По существу, режиссеры, актеры не только «носители», но и эксперты речи в ее реальности, в ее историческом развитии.

Мастера театра, пожалуй, первыми улавливают сигналы, звучащие за словами, предвидя их будущую значимость, и посылают актуальные запросы. Какие тайны живого слова хранит русский театр? Какие открытия делают люди театра? Какие пути безошибочно прокладывают?

Полвека назад я стала предлагать театральным людям — из тех, кого любила и знала, — поговорить о речи: и разговорной и сценической. И в последние годы, уже в XXI веке, вновь задавала вопросы артистам и режиссерам. Поначалу меня удивляло, что все достаточно занятые мастера с большим участием и желанием соглашались встретиться и поговорить. Сорок лет назад — М. Кнебель и Г. Товстоногов, а сегодня — А. Бородин, В. Фокин, К. Райкин, Е. Миронов, К. Богомолов и К. Серебренников.

Это были и длинные домашние разговоры, и краткие записи в перерывах репетиций, а иногда мастера смотрели на вопросы и говорили: «Беру с собой, надо все обдумать...». Так появились анкеты с вопросами и ответы мастеров театра. Публикуем их на страницах этой книги. Подлинники хранятся в музее МХАТ им. Чехова. Размышления актеров и режиссеров о речи для нас очень значимы.

Что изменилось за полвека?

Что стало очевидным? Что ушло в прошлое? Что кажется новым или новаторским, а на самом деле им не является?

Какие тенденции в развитии языка и речи отражены в сегодняшней театральной практике?

Какие открытия делают люди театра, какие пути безошибочно прокладывают?

Что думают о современной разговорной речи режиссеры и актеры, для которых жизнь слова составляет сердцевину профессионального бытия?

Что предлагают для совершенствования речи в нашем социуме?

Давайте заглянем в ответы.

Театр всегда чутко слышит и оценивает звучащее слово, понимает его значимость для жизни и, конечно, говорит о снижении речевой культуры в стране и нарастающей безграмотности, о недостаточном владении речью выпускников школ, о набирающем силу потоке речевых дефектов у детей и подростков.

Речь на сцене для всех мастеров — предмет серьезного обсуждения, споров и беспокойства.

Прежде всего актеры говорят о том, что сценическая речь должна быть адекватна живой речи вне подмостков.

Еще в конце века двадцатого большие артисты, блестяще владевшие «разговорностью», отмечали, что «в театре сейчас обычная московская речь, в отличие от речи 40-х годов, и нужно выполнять чистые московские нормы». И А. Грибов, и И. Тарханов отмечали, что «современная» манера приближается к истинному разговорному языку — и это хорошо!

Но существенный вопрос: в жизни, как на сцене, или на сцене, как в жизни? В жизни, где общение с партнером или партнерами только ими и ограничивается, не так важна разборчивость, четкость, звучность речи. На сцене зрительный зал становится свидетелем, а то и участником сценической реальности.

И, может быть, давние слова Г. Товстоногова о том, что сценическое слово не может быть «подмято под бытовую речь, а простота и похожесть недопустима так же, как недопустима риторика» — актуальны и сегодня?

Все авторы наших анкет, конечно, имеют свой взгляд на современную речь, ее достоинства и недостатки.

Ю. Киселев видел идеал в речи осмысленной, действенной, «насаженной на подтекст»; как и другие мастера, он считал большим достижением то, что речь стала стремительней и проще, в ней все ярче слышно звучание «речевого потока», целостность и ясность смысловой линии, четкость движения по перспективе. Реплики все больше сливаются, объединяются общей задачей, вбирая паузы, снимая знаки препинания.

И большинство режиссеров подчеркивают, что этот смысловой поток существует как мелодическое единство, как целенаправленный жест, вне разнообразного интонационного окрашивания.

И в этом плане мастера единодушны в своих ответах: погружение текста «внутри» за счет экономии внешней выразительности схвачено очень точно современной театральной культурой.

Отсутствие подчеркнутой интонационной раскраски текста, адекватность живой речи, поиски современного произношения — мастера считают достоинством современного театра.